

Ф. П. Литке

**Плавания вокруг света и по
Северному Ледовитому
океану**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
Ф11

Ф11 **Ф. П. Литке**
Плавания вокруг света и по Северному Ледовитому океану / Ф. П. Литке – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 672 с.

ISBN 978-5-4241-3058-8

Федор Петрович Литке - один из видных географов XIX века, известный своими исследованиями Арктики и кругосветным плаванием. М. Ф. П. Литке внес не только значительный вклад в развитие отечественной географии, но и длительное время занимал пост Президента Академии наук, был одним из основателей Русского Географического общества.

Итогом его плаваний стали книги "Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан" и "Путешествие вокруг света на военном шлюпе "Сенявин", вошедшие в данный том "Библиотеки путешествий".

ISBN 978-5-4241-3058-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Ф. П. Литке, 2021

Федор Петрович Литке
Плавания вокруг света и по
Северному Ледовитому океану

Библиотека Путешествий

В жизни человека необходима романтика. Именно она придает человеку божественные силы для путешествия по ту сторону обыденности. Это могучая пружина в человеческой душе, толкающая его на великие свершения.

Фритьоф Нансен

Ф. П. Литке – мореплаватель и географ

Федор Петрович Литке (1797–1882) в истории русской науки занимает особое место. Он не только внес значительный вклад в развитие отечественной географии своими путешествиями, но и длительное время занимал пост Президента Академии наук, а также был одним из основателей Русского Географического общества. При оценке этой исторической личности важно учесть и то, что в нем сочетались, как предстоит убедиться читателю, многие достоинства и противоречия его времени.

В отличие от многих моряков Российского флота, выходцев из Остзейских губерний (таких как И. Ф. Крузенштерн, Ф. Ф. Беллинггаузен и др.), сам Федор Петрович, несмотря на немецкие корни своего семейства, считал русский язык родным, а немецкому учился в школе. Его отец служил в Нарвском карабинерском полку, после отставки поселился в воронежском поместье Репьевка, затем в 1795 году стал советником в Санкт-Петербургской казенной палате, а позднее продолжил службу по таможенной части. Здесь, в столице Российской империи, 17 (28) сентября 1797 года и появился на свет будущий российский мореплаватель и общественный деятель Федор Литке. Его мать скончалась при родах, а спустя десять лет со смертью отца он остался круглым сиротой, оказавшись на воспитании в семье дяди.

Позднее этот период своей жизни Федор Петрович опишет так: «... Отрок, не знавший никогда ласк, на одиннадцатом году жизни лишавшийся отца; круглый сирота, остающийся без призора, без всякого воспитания и учения, в самые опасные годы юношества окруженный примерами разврата, самых грубых нравов и всякого соблазна. Что по всей вероятности должно было бы выйти из этого несчастного? Не должен ли он был погибнуть в бездне невежества и разврата?»

К счастью, одаренного юнца ожидала иная судьба, пославшая ему на жизненном пути в качестве примера и наставника капитан-лейтенанта Российского флота И. С. Сульменева, мужа сестры Натальи. Этот период жизни Ф. П. Литке один из биографов описывает так: «В доме Сульменевых, помимо дружеского доброжелательного отношения, тринадцатилетний мальчик встретил морскую среду и постоянные разговоры о море, жизни на корабле. Все это, естественно, увлекло его, и по ходатайству И. С. Сульменева в 1812 году он поступает на флот волонтером в команду под началом своего зятя. В 1813 году Федор Литке на галете «Аглая» участвовал в трех сражениях при осаде Дандига». Однако юноша не только стоял вахту и принимал участие в схватках, но и самостоятельно готовился к экзаменам за курс Морского корпуса, благо практики, боевой и корабельной, у него хватало с избытком. На представлении морского министра царь наложил резолюцию «Гардемарином на одну кампанию», в соответствии с которой в канун своего шестнадцатилетия, помимо ордена Св. Анны 4-й степени, за участие в боях моряк был удостоен первого офицерского чина мичмана.

Столь же успешно продолжалась его служба в мирное время. В августе 1817 года он отправляется в кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка» под начальством Василия Михайловича Головнина – лучшего наставника для будущего морского офицера было трудно представить. Отметим лишь, что вместе с Ф.

Литке на этом корабле прошли службу такие выдающиеся моряки и исследователи, как Ф. П. Врангель и Ф. Ф. Матюшкин. Не останавливаясь на подробностях и событиях этого выдающегося вояжа (описанных подробно в книге В. М. Головнина «Путешествия вокруг света»¹⁾), отметим, что подобное плавание во все времена для моряка ничем не заменимо, поскольку позволяет ему не только познакомиться с природой Мирового океана, но и оценить ее значение для своей профессии, не говоря о расширении жизненного и научного кругозора. Одни только посещенные порты по маршруту плавания (Рио-де-Жанейро и Кальяо, Петропавловск-Камчатский и Форт-Росс, Алеутские и Командорские острова, Филиппины, острова Св. Елены и Вознесения и др.) давали работу мысли в стремлении объяснить и систематизировать увиденное. Безусловно, богатый опыт путешественника и исследователя пригодился молодому моряку на его жизненном пути. На этом фоне продвижение по службе (отправившись в плавание мичманом, Ф. Литке вернулся домой в чине лейтенанта) выглядит не самым главным, но, несомненно, заслуженным. Вскоре после возвращения, по рекомендации В. М. Головнина, Ф. П. Литке был назначен командиром брига, снаряженного для описи Новой Земли. Важно иметь в виду, что предшествующая попытка выполнить эту работу лейтенантом А. П. Лазаревым закончилась полной неудачей, и именно поэтому многие его коллеги-моряки не завидовали назначению Литке.

Четыре плавания к берегам этого негостеприимного архипелага в 1821–1824 годах описаны в настоящей книге и требуют внимательного комментария по целому ряду причин. Литке плавал в водах, достаточно освоенных поморами еще столетия назад. Но будучи офицером российского флота, он опирался на его устав и регламент, которые нередко находились в противоречии с опытом народного мореплавания.

Указанное обстоятельство в полной мере проявилось уже в первой главе его труда «Критическое обозрение путешествий к Новой Земле», законченного в 1826 году, в котором заслуги наших поморов на фоне достижений западноевропейских мореплавателей не нашли достойного отражения. Игнорирование опыта предшественников отнюдь не способствовало деятельности Литке на новом для него поприще, чему в его книге есть немало примеров и что бросается в глаза. Тем не менее именно Ф. П. Литке мы обязаны введением в обиход историков Российской Арктики важнейшего свидетельства итальянца Мавро Урбино (видимо, полученное им от московского посла при папском дворе Дмитрия Герасимова) об открытии нашими поморами Новой Земли по крайней мере в XV веке. Литке стал единственным, кто сообщил о плавании помора Павкова к берегам Восточной Гренландии в середине XVII века, что было, несомненно, выдающимся событием для того времени. Скорее всего, подобное игнорирование опыта поморов, на наш взгляд, объясняется сословными и ведомственными причинами, своеобразным проявлением дворянского снобизма.

Очевидно, при прочих несомненных достоинствах, как моряк-профессионал Ф. Литке обладал и известными недостатками, которые мешали ему развить свой талант исследователя, с чем читатель не однажды столкнется на страницах настоящей книги. Однако важнее другое – к чести ее автора, сам он не боялся признаваться в собственных ошибках и промахах. Одним из упущений Литке является и игнорирование им труда члена-корреспондента Санкт-Петербургской

Академии наук, архангелогородца В. В. Крестинина «Географические известия о Новой Земле полунощного края», опубликованного в нескольких выпусках академического издания «Новые ежемесячные сочинения», начиная с 1788 года. Все эти обстоятельства читатель должен иметь в виду при чтении настоящей книги, поскольку они объясняют не только достижения Литке при плавании у берегов Новой Земли, но и целый ряд его промахов и упущений, на которых он сам останавливался неоднократно. Не бояться ошибиться – важное качество, свойственное далеко не каждому исследователю. Примеров подобного рода на страницах настоящей книги читатель встретит немало, и это, несомненно, одно из ее достоинств.

Чтобы не повторять содержания книги, лишь обратим внимание читателя на эпизоды и события, раскрывающие достоинства и недостатки ее автора как исследователя, с учетом цели вояжа. Инструкция морского министра маркиза де Траверсе требовала не составлять «подробное описание Новой Земли», а сосредоточиться на «обозрении на первый раз берегов оной и познание сего острова по определению географического положения главных его мысов и длины пролива, Маточкиным Шаром именуемого, буде тому не воспрепятствуют льды или другие какие важные помешательства». Очевидно, наши претензии к молодому командиру брига «Новая Земля» по поводу его игнорирования труда Крестинина должны быть смягчены, поскольку и сам министр не учел предшествующий опыт, ибо в противном случае задание Литке носило бы гораздо более конкретный характер. Интересно другое: почему министр не доверял исследованиям «штурмана порутческого ранга» Федора Розмыслова во время его зимовки в Маточкином Шаре в 1768–1769 годах? Однако пока ответа на этот вопрос читатель не найдет на страницах труда Литке. Очевидно, это дело будущих историков.

Судно, состав экипажа, снаряжение, начиная с одежды и кончая научным инструментарием, рационы питания детально описаны на страницах книги-отчета, как и состояние самого Архангельска, игравшего роль базы полярных исследований на протяжении значительного времени. Отметим заботу командира о вверенных его попечению рядовых моряках: «... Жилая палуба была совершенно чиста, отчего не трудно было сохранить в ней всегда чистый воздух, а две чугунные печи истребляли всякую сырость при самом начале ее. Жилая палуба была не только просторна, но и высока, так что люди наши могли в ней свободно плясать, когда погода не позволяла делать этого наверху. Это также немало способствовало сохранению их здоровья». Все эти сведения, несомненно, заслуживают самого пристального внимания историка для характеристики эпохи, тогда как нас больше интересует выполнение полученного Литке задания в экстремальных условиях ледового плавания.

В первом плавании летом 1821 года путь от Архангельска до Новой Земли занял практически две недели. В последний день июля (по старому стилю) на 71° с. ш., когда до Новой Земли оставалось менее ста миль, на пути брига встретились первые льды и плотный туман, что поначалу озадачило мореходов, тем более что Литке не имел опыта плавания во льдах; он приобретал его на ходу, а это не только сложно, но и рискованно. Судя по прокладке курсов и расстояний по карте, до невидимого за туманом берега Новой Земли оставалось всего 35 миль, хотя сам командир корабля считал, что и менее того. «Как приискорбно было мне видеть невозможность подойти к нему, находясь в столь

незначительном от него расстоянии, — отметил Литке 1 августа. — Наступил уже август месяц, хотя и лучший для плавания в этих местах, но вместе и последний, а настоящее дело наше еще и не начиналось». На самом деле (даже с учетом старого стиля) наиболее благоприятное время для плавания с точки зрения ледовой обстановки было впереди, но это выяснится позднее... Разумеется, поморы обладали собственным опытом, но обращаться к служившим в экипаже Литке считал преждевременным, теряя драгоценные дни один за другим. Только 5 августа он особо отметил, что «артиллерийский унтер-офицер Смиренников, который, будучи еще крестьянином, два раза зимовал на Новой Земле... он, как и другие бывалые там люди, уверяли меня, что лед, однажды отнесенный от берега, никогда уже к нему не возвращается». Оставалось воспользоваться этим обстоятельством, — но как? Пока Литке ломал голову над этой задачей, в дело вмешалось течение, «подвинувшее» корабль к северу, так что утром 11 августа по курсу открылся низкий берег, который Литке принял за остров Междушарский. «Уцепившись» за этот ориентир, теперь можно было приступить к решению основной задачи, поставленной морским министром. Не останавливаясь на дальнейших деталях плавания, лишь отметим, что 22 и 23 августа в широте, близкой к 73° с. ш., Литке наблюдал резкую смену рельефа прибрежной полосы, отметив одновременно с улучшением ледовой обстановки важный ориентир, которым оказалась «превысокая, весьма приметная гора. Куполообразная вершина ее покрыта была снегом». И тем не менее «мы были в недоумении о том, какую именно из известных частей Новой Земли имеем перед собой? Карта Государственного Адмиралтейского департамента не могла нам в этом случае дать нужного объяснения... Как к последнему способу, прибегли мы к вышеупомянутому унтер-офицеру Смиренникову... Но его показания уверили нас только, что в подобном случае на показания человека не морского совсем полагаться нельзя», окончательно расписавшись тем самым в собственном неумении использовать поморский опыт. Это настолько очевидно, что объясняет и неудачу в поисках Маточкина Шара, и скромные результаты плавания 1821 года в целом, выразившиеся в достижении 75° с. ш. и установлении ряда вершин в качестве ориентиров побережья, названных в честь известных моряков Сарычева, Головнина и некоторых других.

Интереснее, однако, другое: целый ряд природных особенностей, отмеченных Литке (вынос льда у южной оконечности Новой Земли, интенсивное течение вдоль берегов, смена рельефа на побережье и многое другое), соответствует реальному положению вещей. Очевидно, моряку, впервые самостоятельно выполнявшему задание в экстремальных условиях арктического плавания, не хватало опыта, чтобы, связав воедино увиденное, использовать его для решения поставленной перед ним задачи. Вместе с тем Литке не пытался оправдаться, отметив, что «весь успех экспедиции нашей состоял в обозрении части западного берега Новой Земли. Главный предмет ее, измерение длины Маточкина Шара, не был достигнут; да и само положение этого пролива осталось под сомнением... Но при всем своем неуспехе экспедиция эта доказала неосновательность мнения, будто бы берега Новой Земли от накопившихся годами льдов сделались недоступными». Определенно, Литке не боялся признавать неудачи и вовремя принимать меры для их исправления. По возвращении в Архангельск он писал: «попалась мне случайно в руки карта штурмана Поспелова с видами. Эта находка

объяснила мне все дело». Оставалось только использовать представившуюся возможность, тем более что в Петербурге было решено продолжить экспедицию на следующее лето.

Теперь Литке убедился, что «вопреки прежнему моему опыту, ... человек, знающий подробно берега Новой Земли, может быть нам весьма полезен, и потому я просил, чтобы нам наняли одного опытного новоземельского кормщика. Но... на вызовы Губернского правления никто не явился». Похоже, поморские кормщики уже составили свое мнение о достоинствах и недостатках командира «Новой Земли» и не стремились к сотрудничеству с ним.

Плавание 1822 года началось с описи северного побережья Кольского полуострова, поэтому берега Новой Земли открылись на 73° с. ш. только 8 августа и были опознаны по характерной вершине, уже известной по прошлогоднему плаванию и получившей название Первоусмотренная. Наконец-то командир нашел общий язык со своим унтер-офицером Смиренниковым, опознавшим берега губ Безымянная и Грибова. Посланный для ее рекогносцировки штурман подтвердил такое заключение. Привязавшись к знакомым ориентирам, на дальнейшем пути к Маточкину Шару Смиренников указывал один знакомый береговой объект за другим вплоть до небольшого острова Паньков. «Смиренников, живший на нем целое лето, весьма обрадовался старому своему знакомцу. Несколько левее островка Панькова открылся мыс Столбовой и, наконец, большой, но невысокий островок Митюшев. По этим приметам нельзя было не узнать Маточкина Шара... Теперь открылась ясно причина, отчего мы в прошлом году не могли узнать Маточкина Шара. Горы, подходящие к его берегам, ... створяясь между собою, столь совершенно его заслоняют, что даже, находясь у мыса Столбового, ни по чему нельзя вообразить, что имеешь перед собою пролив около 100 верст длиною», что полностью соответствует реальному впечатлению с борта корабля вблизи входа в пролив.

Теперь можно было приступить к выполнению основной задачи, потребовавшей немного времени, поскольку, по мнению Литке, уже 11 августа на $76^{\circ}34'$ с. ш. его бриг оказался в виду мыса Желания. Правда, широта этого важнейшего объекта почти на полградуса расходилась с наблюдениями голландской экспедиции Баренца, хотя положение других ближайших объектов, казалось, подтверждает такой вывод, включая поворот берега Новой Земли к востоку, несколько островов, принятых за Оранские, и даже крупный ледник, похожий по описанию голландцев на Ледяной мыс. Однако времени для более детального изучения берега не оставалось – с севера надвигались льды, от которых оставалось только уходить на юг.

Тем не менее успех плавания был достаточно очевидным, поскольку Литке удалось нанести на карту целый ряд важных объектов побережья, вместе с «одной превысокой, имеющей вид палатки горою, лежащей на широте $74^{\circ}30'$. Она названа горою Крузенштерна – имя, сколь славное в ученом свете, столь же драгоценное для всех, умеющих ценить достоинство, соединенное с благородством души». Это указание для нашего современника важно по двум причинам: во-первых, речь идет о высочайшей вершине архипелага (по последним данным – 1547 м), а во-вторых, – отсутствию указанного топонима на современной карте, поскольку реальная широта этого объекта существенно иная – $75^{\circ}20'$. С учетом общего направления плавания на север, а также привязки указанной вершины к

полуострову Адмиралтейства по тексту самого Литке, речь идет не об ошибке в определении координат этой вершины, а об опечатке в издании 1826 года, повторенной позднее, что и привело к исчезновению важного топонима на карте Новой Земли. Очевидно, что этот недостаток на карте архипелага следует устранить. Один из фиордовых заливов (губ по поморской терминологии) был назван Ф. П. Литке в честь И. С. Сульменева, что также привело к известной путанице на картах тех лет.

Возможно, читателю книги бросится в глаза пропуск событий за 14 августа, когда, вероятно, и началось возвращение экспедиции на юг, поскольку уже 16 августа судно оказалось у мыса Сухой Нос вблизи входа в Маточкин Шар, где на мысе Бараний был установлен памятный крест с соответствующей надписью.

При возвращении берега Новой Земли удалось проследить вплоть до южной кромки полуострова Гусиная Земля, где бриг оказался 26 августа. «Видя, что буря нисколько не смягчается и что скорой перемены погоды к лучшему ожидать нельзя, вынужден я был, наконец, отложить дальнейшие попытки направить курс к Белому морю», – объяснил свое решение Литке, отметив при этом, что «вторую экспедицию совершено было гораздо более, нежели в первую. Высшее начальство трудами нашими было довольно». Тем не менее исследование берегов Новой Земли было решено продолжать и далее, тем более что по возвращении (как и после первой экспедиции) анализ материалов плаваний предшественников привел Литке к неожиданным выводам: «возродилось подозрение, не другой ли какой мыс, например Нассауский, приняли мы за мыс Желания». Разрешить возникшее сомнение можно было только в процессе очередного вояжа.

В плавание 1823 года в качестве лоцманов были взяты два опытных поморских кормщика: «Найдя в Откупщикове человека, хотя и неграмотного, но со здравым рассудком и опытного... Коляский мещанин Матвей Герасимов, известный мужеством своим в 1810 году, который любопытствовал видеть Новую Землю... Я весьма был доволен обоими нашими лоцманами, отличившимися сколько добрым поведением, столько и усердием своим. Оба они, особенно последний, были нам полезны местными сведениями своими и некоторым образом способствовали успеху нашей экспедиции». Достаточно отметить, что по окончании плавания оба помора были награждены медалями Св. Анны. Следует отметить, что в оценке своих поморских помощников Литке скромничает, особенно в отношении Герасимова, который, оказавшись в плену после нападения британского капера, не только овладел со своими товарищами вражеским судном, но и привел его к русским берегам. Как военный моряк, да еще с боевым опытом, Литке не мог не оценить подвига помора, добывшего в качестве трофея флаг корабля «владычицы морей», однако сословная гордыня не позволила ему сделать этого, ибо для него что Герасимов, что Смиренников, не будучи морскими офицерами, оставались «неморскими людьми».

Эти поморы прошлых упущений Литке, конечно же, исправить уже не могли, но, видимо, во многом способствовали недопущению новых. Во всяком случае, оказавшись 1 августа в наиболее северном пункте предшествующего плавания, Литке непосредственно на месте смог убедиться в пользе собственных сомнений, ибо отметил, что «мыс, принятый нами в прошедшем году за мыс Желания, есть действительно мыс Нассавский... Островки, по западную сторону мыса Нассавского лежащие, которые мы прежде почитали Оранскими, названы теперь

островами Баренца, имя которого до сих пор не украшало еще карт Новой Земли... Итак, незнание баренцевой карты и неисправность других были причиной ошибки, по-видимому, грубой». Добавим, что отмеченный ледник, который, по мнению Ф. П. Литке, был Ледяным мысом, на современных картах со времен похода Г. Я. Седова в 1913 году носит имя известного геолога академика Ф. Н. Чернышева. Профессиональные исследователи не гарантированы от ошибок, только не все признают это с такой прямотой и достоинством, как Ф. П. Литке. Возможно, помимо прочих заслуг, именно за это качество в 1913 году Г. Я. Седов назвал ближайший полуостров в честь своего именитого предшественника.

Теперь можно было заняться работами в Маточкином Шаре. 7 августа Литке направил своего помощника лейтенанта Лаврова «на катере для описи пролива, предписав ему держаться северного берега, привязывая к описи южный пеленгами и углами, поскольку этот последний был уже описан штурманом Розмысловым, северный же нет».

Литке уже настроился на обследование восточного побережья Новой Земли, поскольку лед так и не появлялся в поле зрения, но 19 августа бриг на полном ходу набежал на неизвестную каменистую банку в проливе Карские Ворота, причем, как считал Литке, по вине лоцмана. При этом судно едва не лишилось руля, после чего оставалось только возвращаться в Архангельск, где при более детальном осмотре стало ясно, что судно чудом избежало гибели.

По мнению Литке, «в первые три экспедиции совершенно было, по-видимому, все то, что возможно совершить у берегов Новой Земли на мореходном судне, снаряженном не для зимовки». Видимо, такого же мнения придерживались и в Государственном Адмиралтейском департаменте. В инструкции на опись восточного побережья архипелага в случае неблагоприятной ледовой обстановки предлагалось совершить «покушение к северу, на середине между Шпицбергом и Новою Землею, для изведения до какой степени широты возможно в сем месте проникнуть». В четвертом своем плавании летом 1824 года Литке достиг в Баренцевом море $76^{\circ}05'$ с. ш., вплоть до кромки дрейфующих льдов, откуда предпринял еще одну безуспешную попытку проникнуть в Карское море, но был остановлен непроходимыми льдами.

Оценивая достижения трех плаваний на бриге «Новая Земля» в 1821–1824 годах под начальством Литке, остается ощущение, что при определенной настойчивости, а главное, при более полном использовании опыта предшественников можно было бы достигнуть большего. Действительно, Ф. П. Литке не предпринял ни одной попытки форсировать кромку дрейфующих льдов, чтобы приобрести необходимый опыт в этом новом для себя деле. Но надо отметить, что даже этот небольшой опыт Ф. П. Литке был с успехом использован позднее другими исследователями Новой Земли, в первую очередь П. К. Пахтусовым, А. К. Циволькой и С. А. Моисеевым в 1832–1839 годах, обеспечившими своей работой достижение нового уровня в картографировании архипелага и изучении его природы.

Самого же Литке ожидало новое назначение в кругосветное плавание на шлюпе «Сенявин», направлявшемся вместе со шлюпом «Моллер» (командир капитан-лейтенант М. Н. Станюкович) для доставки грузов и охраны промыслов, как на Камчатке, так и во владениях Российско-Американской компании на Аляске. Однако в процессе подготовки экспедиции было достигнуто соглашение о свободной торговле на указанных территориях с заинтересованными держава-

ми. Соответственно, отказ от охранных мероприятий позволил обоим кораблям больше уделять времени научным изысканиям в неизвестных водах и на малоисследованных побережьях. Литке акватория Тихого океана и многие места Мирового океана уже были известны по кругосветному плаванию на «Камчатке» под начальством В. М. Головнина в 1817–1819 годах. Это сулило получение сравнительного материала о природе мест, посещенных ранее.

Маршруты «Сентявина» с момента выхода из Кронштадта и вплоть до обхода мыса Горн практически совпадали с маршрутом плавания «Камчатки». Таким образом, и океан и уже знакомые страны Литке мог оценить с высоты накопленного опыта и ответственности уже не юного гардемарина, а возмужавшего командира корабля. Инструкции, оставляя руководство совместного похода за М. Н. Станюковичем, не устанавливали между командирами кораблей строгого взаимодействия, давая простор проявлениям амбиций. В результате с самого начала нередко корабли плыли врозь независимо друг от друга, что повторялось неоднократно, как и выполнение порученного задания, отчего в исторической литературе нередко эти плавания описываются как самостоятельные.

Следует отметить, что обход мыса Горн (что для парусных судов во все времена было особым событием, поскольку проходило навстречу господствующим западным ветрам в полосе «неистовых пятидесятых» широт) занял у Литке на «Сентявине» всего 19 суток, тогда как во время его первого плавания на «Камчатке» у более опытного Головнина все 25. Хотя такой выигрыш времени можно объяснить разницей погодных условий, меняющихся год от года, но, несомненно, Литке на этот раз успешно использовал опыт своих предшественников.

Читатель легко убедится, что описание захода в Консепсьон (у Литке – Зачатия) на страницах настоящей книги представляет смесь восторга от вида необычной страны («Рассвет явил нам зрелище неопisanного величия и прелести: зубчатая с острыми пиками цепь Анд резко выделялась на небесной лазури, первыми лучами солнца озаренной») и очевидного разочарования от несостоявшегося randevu с «Моллером»: «Заклочая из этого, что он прошел прямо в Вальпарайсо, положил я на следующий день идти туда же». 17 марта Литке отметил, что «первым предметом, встретившимся взорам нашим, когда стала открываться губа Вальпарайсо, был шлюп «Моллер», в ту самую минуту вступивший под паруса». Как убедится читатель, этим вся информация о встрече практически и исчерпывается. Знаток российских плаваний профессор Н. Н. Зубов особо отмечал, что «Моллер» и «Сентявин» «слишком уж часто разлучались... Не чувствовалось спайки между этими кораблями». Следующая встреча этих кораблей произошла только в конце сентября 1828 года в Петропавловске на Камчатке, откуда оба шлюпа отправились в Кронштадт, по пути также несколько раз теряя друг друга, и завершили свое плавание также порознь.

Поход «Сентявина» в акватории Тихого океана отмечен следующими событиями. Покинув 3 апреля Вальпарайсо, шлюп 12 июня бросил якорь на рейде Ново-Архангельска, центре Русской Америки, где оставался на протяжении пяти недель, за которые экипаж смог отдохнуть и выполнить необходимые ремонтные работы на корабле; натуралисты в это время занимались сбором образцов, характеризующих природу российских владений на Американском континенте, о пейзажах которого сам Литке отзывался так: «Мореходец, в первый раз усматри-